

ВОЛЬНЫЙ ЛЕКАРЬ

— СТУДЕНТ —

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

**Егор Золотарев
Сергей Карелин
Вольный лекарь.
Студент. Том 7**

<https://litres.ru/74402108>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ну вот, наконец, я в Москве! Но, как оказалось, меня здесь совсем не ждут. Придется доказывать свое право учиться в медицинской академии и пользоваться способностями, дарованными свыше.

Егор Золотарев, Сергей Карелин Вольный лекарь. Студент. Том 7

Глава 1

Рачков смотрел вслед убегающему архимонаху и не мог взять в толк, что же произошло за то время, пока его не было в городе. Он отсутствовал чуть больше недели, но казалось, будто его не было несколько лет. Пожав плечами, он вышел из кабинета и двинулся по гравийной дорожке в сторону ворот. Не успел он дойти до аллеи, как увидел, что навстречу ему во весь опор скачет охрана. Первым желанием было развернуться и бежать прочь, но он быстро понял, что от всадников нет смысла даже пытаться сбежать — его быстро догонят, поэтому просто остался стоять.

— Рачков, руки вверх! — прокричал один из охранников, вытаскивая на скаку револьвер из кобуры.

Родион Петрович поднял руки, чувствуя, как от напряжения и страха они немеют вместе с ногами. Единственным желанием было прокричать во все горло: «Что здесь происхо-

дит, черт побери?!»

Когда охранники добрались до наемника, они спрыгнули с лошадей и окружили его с оружием в руках.

— Господа, может, вы хотя бы мне объясните, что происходит? — спросил Рачков.

Он старался сохранять спокойствие, но его голос предательски дрожал.

— Закрой рот, — тот самый главный охранник, что подходил к нему у ворот, решительно двинулся вперед и протянул руку.

Рачков зажмурился, ожидая удара, но тот лишь схватился за накладной ус и резко дернул его на себя, сорвав с лица.

— Рачков, ты задержан, — сказал охранник, брезгливо бросил ус под ноги и кивнул своим людям. Двое подскочили к наемнику и скрутили ему руки.

— За что? В чем моя вина? Что такого я сделал? — запищал Родион Петрович, до сих пор не понимая, что творится, и пытаясь хоть что-то выяснить.

— Во-первых, ты проник на охраняемую территорию, выдавая себя за другого. Во-вторых, ты покушался на жизнь архимонаха Прокопия Рязанова, — холодно ответил главный охранник.

— ЧТО?! Вы в своем уме?! — у Рачкова глаза на лоб полезли, а от возмущения дыхание сперло.

— Вот сейчас и посмотрим, кто в своем уме, а кто нет, — зло усмехнулся громила и велел: — Отведите его в подвал!

Позже поговорим.

— Нет! Я здесь ни при чем! — ошеломленный Рачков попытался вырваться, но его держали крепко. — Я не хотел ничего...

— Скажи своему уссу, что ты ни при чем, — усмехнулся главный охранник, взобрался на свою лошадь и неторопливо поехал в сторону ворот, а упирающегося Рачкова повели к резиденции, где в подвале не раз происходили самые темные дела ордена.

Я проснулся рано утром от яркого луча, пробивающегося в щель между плотными шторами моей новой комнаты. Первым делом я осмотрелся, будто не веря, что оказался в этом чудесном месте и в компании этих прекрасных людей, которые приняли меня как родного.

Комната была большая и светлая. Кроме кровати здесь имелся массивный письменный стол, стеллаж с книгами и письменными принадлежностями, платяной шкаф и большое овальное зеркало на стене в вычурной раме из красного дерева.

Тут с улицы донесся разговор. Я вылез из-под одеяла, подошел к окну и отдернул штору. К моему удивлению, Вера и Анатолий Ренатович уже ходили по саду с лейками и поливали клумбы и ягодные кусты.

Наскоро одевшись, умылся и присоединился к ним.

— Степа, ты чего вскочил в такую рань? Поспал бы еще,
— Вера удивленно воззрилась на меня, обернувшись на шаг.
ги.

— Доброе утро, — улыбнулся я и забрал лейку из ее рук.
— Уже выспался. Даже не припомню, когда в последний раз так хорошо спал.

— Это все здешний воздух, — лекарь подошел ко мне и пожал руку. — Мне здесь тоже лучше спится, чем в городе.

— Да в перине дело, — вставила Вера. Она склонилась над клумбой и безжалостно выдирала сорняки. — Я ведь новый пух набила. Будто в облаке лежишь.

Я не стал никого переубеждать, хотя считал по-другому. Мне в первый раз за долгое время удалось расслабиться и не опасаться ничего. Я будто блудный сын, который вернулся после долгих изнурительных странствий в родной дом, где с ним ничего плохого не случится.

Полив сад и огород, мы вместе вернулись в дом. Пока мы с Анатолием Ренатовичем обсуждали в библиотеке остеологию, Вера готовила завтрак.

— Кость — она, понимаешь, живая, — говорил лекарь, раскрывая справочник. — И живая она, пока жив человек. И ломается, кстати, не всегда одинаково. Почти всегда можно понять, каким был удар. Если края кости ровные — значит, удар был резким. Если кость раздробило — значит, придавили с силой. А по черепу еще точно можно сказать, чем били: обухом топора, молотком, дубиной, или человек сам

с высоты собственного роста упал, — тут он раскрыл учебник на нужной странице, где крупным планом был изображен череп, и принялся водить пальцем по странице. — Вот эти линии на черепе называются швы. У младенца они широкие, мягкие, а у взрослого срастаются и твердеют. У стариков же вообще становятся еле видимы. Часто именно по швам можно определить возраст, если других примет нет.

— Никогда об этом не слышал, — признался я, вглядываясь в изображение.

— О-о-о, ты многого еще не знаешь. Медицина — самая интересная область, по моему мнению. Здесь никогда не бывает остановки в развитии. Каждый год делаются все более невероятные открытия, — лекарь перелистал страницы назад и открыл изображение скелета. — Кости и их правильное положение имеют огромное значение для всего организма. Скелет — как фундамент дома. Если его перекосит, то на всем доме скажется. Бывает такое сильное искривление позвоночника, что даже внутренние органы начинают хуже работать. А в особо сложных случаях и вовсе могут отказаться. Оттого и советую всем беречь спину смолоду.

— Завтрак готов! — донесся с первого этажа голос Веры.

— Поедим и поедем в академию. Заодно и разузнаем все, — Анатолий Ренатович захлопнул книгу, оставил ее на столе и двинулся к двери.

Я последовал за ним. В груди появилось какое-то новое неизведанное чувство радости и предвкушения. Тревога и

волнение ушли, возникло четкое ощущение, что мне все по плечу. Это снова моя интуиция. А ей я привык доверять.

Завтрак состоял из отварного мяса, жареных яиц и бутербродов с нежным молодым сыром, который с утра принесла на продажу соседка.

— Верочка, если меня кто-нибудь будет спрашивать, то мы в академии, — предупредил Анатолий Ренатович, когда Вера вышла нас провожать к калитке.

— Когда вернетесь? — она поправила мужу шелковый шейный платок.

— Пока не знаю, но задерживаться не будем. Степу оформим, разузнаем обо всем и вернемся.

— Купи что-нибудь Ярову. Не с пустыми же руками к нему идти. Ведь хотим за Степу попросить.

— А что купить ему, Верочка? — задумался лекарь.

— Хорошего вина. Или хороший письменный набор. Говорят, в «Золотое перо» завезли французские фарфоровые чернильницы.

— Понял, — пожилой лекарь наклонился и поцеловал жену в щеку.

Та смущенно отмахнулась, приобняла меня и встала у калитки, глядя нам вслед. Мы с Анатолием Ренатовичем бодро двинулись вниз по дороге.

— На чем будем добираться до Москвы? — спросил я.

— У нас в деревне трое занимаются извозом. Сначала к Сергею заглянем. У него карета хорошая, чаще всего к нему

обращаюсь.

— Почему у вас нет своих лошадей?

— Раньше были, но теперь они ни к чему. Мы не так часто ездим, чтобы нарочно лошадей держать.

— Но вы же говорили, что работаете? Как же вы добираетесь до больницы? Или каждый раз извозчика нанимаете?

— С тех пор, как мы живем в Выселках, я здесь и работаю, — он махнул рукой в сторону соседней улицы. — Пешком минут десять ходьбы.

— Ясно, — я посмотрел в указанном направлении в надежде увидеть больницу, но между избами виднелись точно такие же избы.

Извозчик Сергей оказался дома и очень обрадовался возможности подзаработать. Лекарь был прав — экипаж оказался отменный: новая обшивка, мягкий, плавный ход. Я хотел сам расплатиться, ведь это ради меня мы ехали в Москву, но лекарь был непреклонен и сказал, что никогда не возьмет с меня ни копейки. Кстати, брать деньги за жилье и еду они с Верой тоже отказались, сказав, что относятся ко мне как к гостю, а с гостей деньги за простой и столование не берут.

Как только мы въехали, я не мог оторваться от созерцания этого прекрасного города с величественными зданиями, ухоженными аллеями и садами, ровными дорогами, стеклянными фонарями на кованых ножках и разношерстных прохожих.

Сначала по большей части по тротуарам спешили кре-

стьяне, ремесленники и мастеровые в рубахах-косоворотках, штанах, заправленных в высокие сапоги, или в лаптях с онучами и в простых кафтанах. Затем начали попадаться молодые люди в одинаковых формах. Лекарь пояснил, что это студенты, которые на лето не уходят на каникулы, а устраиваются работать в своих учебных заведениях, коих в этом городе было множество.

Когда на улицах с двух сторон появились ряды лавок и трактиры, среди пестрой толпы с прислугами, дворниками, нищими и юродивыми я заметил неспешно прохаживающихся мужчин в длиннополых кафтанах и с окладистыми бородами. Некоторые продвигались за спинами бравых молодцев, которые расталкивали зазевавшихся. Это явно были купцы, коих видел я немало за свой долгий путь.

— Скоро будем на месте, — подмигнул мне лекарь. — Волнуешься?

— Нет, — честно ответил я, ведь чувствовал, что на этот раз все пройдет хорошо.

— Вот и правильно. Главное, чтобы мы успели до экзаменов, а то документы не примут и сразу отправят на следующий год.

— Что? — тут-то я напрягся.

— Да. К сожалению, ради опоздавших повторно не проводят экзамены. Если ты пропустил хоть один — сразу пролетаешь, — развел руками лекарь.

Руночерть задери эти бесконечные правила! Неужто я зря

так торопился? Нет-нет, интуиция говорит, что все будет хорошо, а я склонен ей верить. Однако червь сомнения начал точить мою душу, и от уверенности не осталось и следа.

Чтобы отвлечь себя от тяжелых мыслей, я продолжил смотреть в окно. Извозчик замедлился, ведь здесь движение было куда плотнее, чем в пригороде. Мимо проплывали витрины, сверкающие стеклом и позолотой, шляпные и галантерейные лавки, модные магазины. То тут, то там слышались крики разносчиков газет. Из кондитерских тянуло сладким запахом ванили. Среди прохожих увидел дам в легких накидках, с перьями на шляпках и с ажурными зонтиками в руках, щеголей во фраках, с цилиндрами и тростями, а также служителей «Лика Истинного», которые ходили по несколько человек и выглядели очень важно, будто имели большой вес в этом обществе. Возможно, так оно и было.

— Вон она! — воскликнул лекарь и указал пальцем во второе окно. — Императорская медицинская академия.

Я повернул голову в указанном направлении и увидел массивное величественное здание: строгие, симметричные линии, портики с колоннами, широкое крыльцо и высокие двери. Проходя мимо, я бы ни за что не догадался, что это медицинская академия. По моему мнению, здание больше походило на главное управление жандармерии или какое-то министерство. Даже окна «смотрели» холодно, безэмоционально, прямо как глаза человека, привыкшего никому не доверять и в каждом сомневаться.

— Приехали, Анатолий Ренатович, — сказал извозчик, когда остановил лошадей у крыльца и, соскочив со скамейки, открыл дверь кареты.

— Спасибо, Сережа. Ты, как всегда, выручил меня, — лекарь вылез первым, а я — сразу за ним.

Медицинская академия оказывала на меня какое-то гипнотическое воздействие. Я стоял перед этим поистине монументальным зданием и благоговел, как перед чем-то грандиозным и великим.

Я переводил взгляд с фасада на темные прямоугольники окон, на колонны с изящными узорами на самом верху, на фронтон с барельефом, на каменные ступени, которые местами стерлись от огромного количества шагов, пройденных по ним, и не мог поверить, что когда-нибудь смогу считать это чуждое мне здание своим вторым домом.

— Подождать вас? — донесся до меня голос извозчика.

— Нет, езжай. Нам еще по городу прошвырнуться надо, — лекарь расплатился с ним и подошел ко мне. — Ну что, пошли?

— Да, — решительно кивнул я и первым двинулся к лестнице.

Оказавшись у тяжелых дверей с длинными ручками, я глубоко вздохнул, будто решался на что-то отчаянное, и потянул их на себя. В нос ударила прохлада, наполненная запахами чернил, старой бумаги и того специфично-лекарственного, что присуще всем больницам.

Я оказался в вестибюле с высоким потолком, который подпирали колонны. Свет расходился от арочных окон, расположенных по обе стороны от двери, и освещал все помещение, а также две лестницы, находящиеся по другую сторону. На стенах висели портреты и лепнина, вдоль них располагались часы с маятником и длинные жесткие скамьи из темного дерева, на которых сидели несколько парней и еле слышно переговаривались. При моем появлении они все повернулись и изучающе оглядели меня.

Внутри все было так же строго и величественно, как и снаружи. Каждый мой шаг по плитам из серого камня отдавался гулким эхом, от которого становилось как-то неловко.

— Пошли за мной. Нужно сходить в канцелярию и обо всем разузнать, — Анатолий Ренатович двинулся к левой лестнице.

Я последовал за ним, глаза по сторонам. Кроме портретов на стенах висели стенды со схемами, таблицами, списками и объявлениями, которые я с интересом прочел: «Выдача стипендий в канцелярии декана 5 числа каждого месяца при предъявлении зачетной книжки»; «Напоминаем, что правилами внутреннего распорядка запрещено курение в коридорах и лабораториях»; «Посещение анатомического театра допускается только в форменной одежде и с разрешения дежурного ассистента или преподавателя»; «Требуется помощник в прозекторскую. Обязанности: подготовка препаратов, уборка, помощь при вскрытии. Жалованье — 12 рублей в

месяц. Обращаться только студентам третьего и четвертого курсов к господину ассистенту Смирнову А. В.»; «Сдается комната в общежитии. Две койки, стол, отопление. Плата — 8 рублей в месяц. По всем вопросам обращаться к смотрителю общежития».

В это время кто-то справа, выходя из коридора, громко хлопнул дверью, отчего парни даже подскочили на месте. Похоже, волнение и напряжение чувствовал не я один. Судя по поведению, они тоже были поступающими.

— Первые два курса учатся одинаково, а начиная с третьего идет разделение, — сказал лекарь, когда мы стали подниматься по широкой деревянной лестнице с резными перилами. — Кто-то выбирает терапию и продолжает обучение только по этому направлению. Кто-то переходит на хирургию и анатомию или акушерство и гинекологию. Также есть судебная медицина. Какое направление тебе интересно?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Сначала надо поступить и доучиться до третьего курса, а там уж видно будет.

— И то верно. Кстати, я слышал, что психиатрию тоже хотят отдельно преподавать, но не знаю, внедрили это или еще нет.

Мы поднялись на второй этаж и двинулись по длинному коридору. На этот раз мы шли почти бесшумно, ведь шаги заглушал длинный красный ковер с проплешинами посередине.

По обе стороны коридора располагались двери, на кото-

рых висели таблички с номером аудитории. Одна из дверей была открыта, поэтому я не удержался и заглянул внутрь. Это был большой зал. Справа находился невысокий помост, на котором стояли массивный письменный стол и стул. За ним на стене висела черная доска, исписанная мелом. Парты располагались амфитеатром, чтобы все, даже на самой дальней парте, слышали лектора. Надеюсь, я тоже когда-нибудь окажусь в этом помещении и буду с большим вниманием слушать преподавателя.

— Степа, ты чего там? — Анатолий Ренатович остановился и обернулся в поисках меня.

— Иду! — я торопливо подошел к нему, но лекарь не двинулся с места и указал на одну из дверей. На ней большими позолоченными буквами было написано: «Канцелярия».

— Пришли. Теперь станет ясно, опоздал ты или нет.